

На обратном пути Ан Чан Цин, как и прежде, сидел в карете, а Сяо Чжигэ ехал рядом верхом на лошади.

Было уже далеко за полдень, и солнце лениво висело в зимнем небе, испуская тёплый свет. Ан Чан Цин приподнял занавеску с окна кареты, чтобы посмотреть на Сяо Чжигэ. Мужчина всё ещё был в той же одежде, что и утром, и ехал верхом на вороном коне, высокий и статный. Из-за бьющего в глаза солнца зрение Ан Чан Цина было слегка размытым, но даже так он всё ещё думал, что его муж выглядит превосходно.

С одной стороны улицы слышался шум из магазинчика. Ан Чан Цин с любопытством посмотрел в ту сторону и увидел, что на вывеске было написано «Сан Вэй Чжай». В его глазах мелькнул озорной огонёк.

Он вытянул руку и легонько дёрнул Сяо Чжигэ за рукав:

— Я хочу съесть пирожное с лепестками сливы.

Сяо Чжигэ остановился и взглянул на молодого человека, который выжидающе смотрел на него. Оранжевый солнечный свет падал на его лицо, придавая ему ангельское сияние.

— Я куплю его для тебя, — сказал Сяо Чжигэ, приказав экипажу остановиться, и направился к кондитерской.

Кондитерская «Сан Вэй Чжай» процветала, и перед магазином всегда было полно народа. Однако, как только люди увидели Сяо Чжигэ, толпа расступилась, словно море перед Моисеем, чтобы освободить ему путь. Сяо Чжигэ давно привык к такой реакции и, как обычно не обращая на них никакого внимания, купил коробку свежайших пирожных.

— Ты можешь съесть только два, — Сяо Чжигэ протянул ему коробку, добавив, — уже почти настало время ужина.

Свежеиспеченные пирожные со сливовыми лепестками были ещё более ароматными. Ан Чан Цин откусил маленький кусочек и надулся, услышав эти слова:

— Их нужно есть свежими. Они не будут такими вкусными, когда остынут. Это будет пустая трата времени.

Сяо Чжигэ сказал:

— Я куплю их для тебя снова.

Ан Чан Цин покачал головой. Его глаза озорно сверкнули, когда он протянул пирожное Сяо

Чжигэ:

— Раздели его со мной.

Сяо Чжигэ посмотрел на лакомство со сливовыми лепестками и снизил скорость. Позади них слышались тихие вздохи, которые заставили Чан Цина и Сяо Чжигэ оглянуться, но люди вокруг тут же отвернулись, делая вид, что занимаются своими делами.

Ан Чан Цин повернулся к Сяо Чжигэ и сказал:

— Ешь, а то остынет.

Сяо Чжигэ ничего не оставалось, кроме как опустить голову и откусить кусочек пирожного в руке Ван Фей. Лакомство было небольшого размера, с начинкой из цветков сливы. В нём не содержалось сахара, но в сердце мужчины растеклась сладость.

— Давай вернёмся, — сказал Сяо Чжигэ, прокашлявшись, — я съем то, что ты не сможешь доесть.

Ан Чан Цин небрежно ответил: «О», — и положил в рот ещё один кусочек.

В поместье Ванг их встретили управляющий Ван и ещё несколько слуг, которые уже стояли на входе, ожидая их возвращения. Ан Чан Цин вышел из кареты и заметил, что управляющий хромает:

— Что с твоей ногой? Если ты плохо себя чувствуешь, тебе следует отдохнуть.

Дворецкий Ван не находил слов. Он не знал, как объяснить своё состояние, и мог только смотреть на Сяо Чжигэ.

— Он был наказан за свой проступок, — сказал Сяо Чжигэ.

Ан Чан Цин слегка дрогнул, но решил больше не задавать никаких вопросов и вышел в главный двор вместе с Сяо Чжигэ. Пока слуги готовили ужин, супруги привели себя в порядок. Когда подали еду, Ан Чан Цин велел слугам удалиться, так как не привык к их присутствию, и в комнате остались только он и Ванг Е.

Сяо Чжигэ взял кусочек рыбы и стал тщательно выбирать из неё кости.

Ан Чан Цин пристально посмотрел на него и спросил:

— Это из-за меня?

— Хм? — Сяо Чжигэ поднял глаза.

— Травма управляющего Ван.

Сяо Чжигэ кивнул и продолжил выбирать кости:

— Подарки для твоего ритуала возвращения домой должны были подготовить давным-давно. Он пренебрёг своими обязанностями, его наказание было оправданным.

— А что, если есть ещё и другие, кто издевался надо мной в поместье? — Ан Чан Цин наклонился и посмотрел на него большими сияющими глазами.

— Кто-то над тобой издевался? — Сяо Чжигэ нахмурился.

— Нет. Я просто спрашиваю, — Ан Чан Цин покачал головой и улыбнулся.

Хмурый взгляд Сяо Чжигэ смягчился:

— Я избавлюсь от этого человека.

— Но что, если я хочу лично преподать им урок? — почувствовав снисходительность этого человека, Ан Чан Цин перестал вести себя словно спрятавший голову в песок страус и решил проверить, как поведёт себя мужчина.

— Лично преподать им урок? — Сяо Чжигэ был немного озадачен. — В поместье есть комната пыток. Просто попроси кого-нибудь разобраться с ними без тебя.

Сяо Чжигэ не хотел подпускать деликатного и нежного Ан Чан Цина к подобным местам, боясь, что юноша скорее навредит там себе, чем успеет кого-нибудь «проучить».

Ан Чан Цин знал, что Сяо Чжигэ неправильно его понял, и не мог удержаться от смеха.

— Я имел в виду, что теперь, когда я твой Ван Фэй, я должен научиться разбираться с делами поместья Ванг и заботиться о нём. Раньше тебе пришлось передать все дела в руки управляющего Ван, потому что больше некому было ими заниматься, но сейчас я бы хотел попробовать свои силы.

Затем он выжидающе посмотрел на Сяо Чжигэ.

Как раз в тот момент, когда Ан Чан Цин подумал, что не сможет получить его одобрения, Сяо Чжигэ сказал без доли сомнений:

— Конечно, поместье Ванг находится в твоём распоряжении. Ты можешь делать всё что пожелаешь.

Ан Чан Цин потерял дар речи. Ему потребовалось некоторое время, чтобы понять, что склад ума этого человека на самом деле был довольно прост: поскольку Чан Цин — это его Ван Фэй, само собой разумеется, что он защитит его. И поскольку Чан Цин — его Ван Фэй, то поместье Ванг принадлежало и ему тоже.

Из-за своего менталитета Сяо Чжигэ всегда испытывал некое недопонимание, слыша просьбы юноши. И чего бы ни захотел Чан Цин, он бы непременно это выполнил, потому что как его Ван Фэй он был достоин получить всё, что Сяо Чжигэ мог предложить. К сожалению, Ан Чан Цин не осознал этого в своей прошлой жизни. Собственные страх и трусость лишили его таких возможностей.

— Я понял, — улыбнулся ему Чан Цин с сияющими глазами.

Сяо Чжигэ слегка улыбнулся ему в ответ, поставил тарелку с очищенной от костей рыбой на стол и сказал:

— Давай есть.

<http://bllate.org/book/13048/1151679>